

Исследовательская статья

УДК 291.7

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-36-49>

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СХЕМА СОВРЕМЕННОГО ДЖИХАДИЗМА

Андрей Русланович Сулейменов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

andrey@sul@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1060-6853>

Аннотация. В статье на основе пропагандистских материалов международной террористической организации «Исламское государство»* рассматривается темпоральная схема и исторический нарратив джихадистской пропаганды. Исследования политики памяти и исторических нарративов организаций радикального исламизма практически отсутствуют, что, по всей видимости, объясняется труднодоступностью источниковой базы. Данное исследование базируется как на «официальных» материалах джихадистской пропаганды, исходящих от пропагандистских органов «Исламского государства»*, так и на корпусе источников «стихийной» пропаганды сторонников радикального исламизма. В связи с крайне различным социокультурным базисом своих сторонников, джихадистская пропаганда вынуждена оперировать не цельным нарративом, а скорее набором сюжетов, выстраивая дискретное повествование о прошлом. Данные сюжеты соответствуют предложенной Э. Смитом схеме этнического мифа. Несмотря на то, что современный джихадизм не является этническим сообществом в силу международного характера и универсализм вероучения, общность религиозных и, что более важно, политических представлений позволяет проводить анализ исторического нарратива радикального исламизма с точки зрения этносимволического подхода. Исследование представлений о прошлом, характерных для данной организации, осуществляется на основе выделенных Я. Ассманом типов культурной памяти. Выявляются основные исторические точки, фиксирующие временную схему данной организации; анализируются и некоторые устойчивые представления о прошлом исламской цивилизации, характерные для джихадистской пропаганды. Особый интерес представляет мифологема многовекового глобального заговора против мусульманской уммы, которая во многом является узловой концепцией джихадистского нарратива, а также эсхатологические представления джихадистской пропаганды.

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: исторический нарратив, культурная память, темпоральная схема, представления о прошлом, национальный миф, джихадизм, Исламское государство*, радикальный исламизм, Халифат

Благодарности: Исследование проведено в рамках гранта РФФИ 20-39-90017 «Символическое поле современного исламизма».

Для цитирования: Сулейменов А.Р. Темпоральная схема современного джихадизма // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 36–49. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-36-49>

Research article

TEMPORARY SCHEME OF MODERN JIHADISM

Andrey R. Suleimenov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia
andrey@sul@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-1060-6853>

Abstract. Based on the propaganda materials of the international terrorist organization *Islamic State**, the article examines the temporal scheme and the historical narrative of jihadist propaganda. Studies of the politics of memory and historical narratives of organizations of radical Islamism are practically absent due to the inaccessibility of the source base. This study is based on the *official* jihadist propaganda materials coming from the propaganda bodies of the *Islamic State**, and on the corpus of sources of *spontaneous* propaganda of supporters of radical Islamism. Due to the extremely different socio-cultural basis of its supporters, jihadist propaganda is forced to operate not with an integral narrative, but rather with a set of plots, building a discrete narrative about the past. These plots correspond to the ethnic myth scheme proposed by Smith A. D. Despite the fact that modern jihadism is not an ethnic community due to the orientation towards internationalism and universalism of the dogma, the commonality of religious and, more importantly, political ideas make it possible to analyze the historical narrative of radical Islamism from the point of view of an ethno-symbolic approach. The study of representations of the past, characteristic of a modern jihadists, is carried out because of the types of cultural memory identified by Jan Assman. The study main historical points fixing the temporal scheme of the *Islamic State**; and some stable ideas about the past of Islamic civilization, characteristic of jihadist propaganda. Of particular interest is the mythology of the centuries-old global conspiracy against the Muslim Ummah, which is in many ways the key concept of the jihadist narrative, as well as the eschatological representations of jihadist propaganda.

Keywords: historical narrative, cultural memory, temporal scheme, representations of the past, national myth, jihadism, Islamic State, radical Islamism, Caliphate

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the RFBR, within the framework of project № 20-39-90017 "The Symbolic Field of Modern Islamism".

For citation: Suleimenov, A. R. (2022) 'Temporary Scheme of Modern Jihadism', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 36–49. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-36-49>

* The organization is banned on the territory of the Russian Federation.

Изучение политики памяти, исторических нарративов занимают значимое место в современных исторических исследованиях. Во множестве встречаются как обобщающие работы [Румянцева 2007; Репина, 2007, История и память..., 2006], так и исследования, посвященные отдельным аспектам исторической памяти [Кризисы переломных эпох..., 2012, Румянцева, 2007]. Однако аспекты исторической памяти, связанные с исламским сообществом, за некоторым исключением [Кузнецов 2007, Звягельская, Кузнецов, 2017; Урушадзе 2020, 2021; Политика памяти в..., 2020; Горюшина 2018, 2020], не получили должного внимания со стороны исследователей.

Историческая память служит важным инструментом актуализации старого прошлого, как и конструирования нового [Sachs, 2012]. Особую актуальность события прошлого приобретают в обществах, находящихся в кризисном состоянии, недавно прошедших травматические события, либо находящихся в состоянии текущего конфликта. В данном случае события реального или воображаемого прошлого обретают особенную значимость, оказываются способными повлиять на расстановку сил в обществе. Среди прочих исследований, посвященных сложению исторического нарратива в ходе военного конфликта, выделим работу В.А. Тишкова [Тишков 2001], ценную этнокультурным описанием погруженного в политико-религиозный конфликт сообщества; исследование содержит наблюдение трансформации исторических представлений в ходе конфликта.

Особую роль изучение режимов памяти и временных представлений исламских сообществ приобретает в свете «растекания» регионального [Добаев 2009] международного терроризма, сохраняющейся активностью «старых» акторов радикального исламизма и трансформацией новых террористических движений.

Изучение угроз религиозного радикализма в значительной степени осложнено расплывчатостью самого предмета исследования, его чрезвычайным многообразием и многочисленностью региональных вариантов. Определения терминов

«исламизм», «радикализм», «джихадизм» разнятся в зависимости от религиозно-политических позиций оценивающего, его культурного и научного багажа; научное сообщество также не предлагает единого общепринятого определения данных терминов. Обобщенный в массовом сознании джихадизм, как правило, персонифицируется в самых различных образах — от фигуры ваххабитского проповедника до обычного посетителя мечети, в то время как многообразие акторов радикального исламизма и возникающие между ними противоречия проявляются не только на уровне конкурирующих сил (конфликт некогда родственных «Исламского государства»* и «Аль-Каиды»*, а также её «дочерней организации», Джабхат ан-Нусры*), но и внутри пропагандистских материалов самих группировок. Будучи по своей природе глобальным, современный исламизм соединяет, подчас даже в рамках одной группировки, представителей самых разных стран, в том числе и России.

В силу принадлежности своих сторонников к различным культурным и социальным слоям, джихадистские организации сталкиваются с необходимостью создания такого объясняющего исторического повествования, которое было бы в равной степени понятно каждому человеку, разделяющему джихадистскую идеологию. В связи с этим интересным объектом исследования становится МТО «Исламское государство»* (далее — ИГ*, Исламское государство*, «Халифат»*), в деятельности которой активное участие принимают и некоторые граждане России. Особенно сильно ИГ* до недавнего времени являлась нацеленность на неограниченную экспансию, предпринятые попытки построения глобального всеобъемлющего Халифата*. Приток в ряды организации выходцев со всего мира, разнообразные профессиональные навыки её сторонников придают ИГ* определённую мобильность и возможность действия в регионах, отдалённых от места возникновения и основного региона активности организации (Ближний Восток).

Вместе с тем упомянутое разнообразное происхождение сторонников органи-

зации, разнесённость в пространстве и подчас отсутствие надёжной связи с региональными ячейками делают задачу формирования общего нарратива крайне сложной. Само формирование и донесение до своих сторонников исторической картины мира представляется крайне важной доктринальной задачей, игнорирование которой ставит под удар моральную стойкость её сторонников. Именно посредством исторического нарратива складывается обобщённая картина мира, осуществляется позиционирование сообщества во времени и по отношению как к конкурирующим группировкам, так и противостоящим ИГ* суверенным государствам.

Донесение до своих членов единой религиозной доктрины и мировоззренческих концепций осуществляется рядом источников пропаганды. Для нашего исследования таковыми являются электронные периодические издания «Халифата»*, а также доступные нам материалы «стихийной» пропаганды, осуществляемой вне рамок организованной пропагандистской машины боевиков. К числу первого корпуса источников относятся электронные журналы «Dabiq», «Rumiyah», «Исток», «Furat. Press», выпуски которых обнаружены в ходе исследовательского поиска на просторах интернет-сети. Первые два издания являются «официальными» печатными органами джихадистов, переведёнными на ряд языков мира (нам доступны лишь англоязычные версии журналов). Издания «Исток» и «Furat.Press» являются русскоязычными, причём последнее, несмотря на позиционирование в качестве «официального издания Исламского государства*», по-видимому, является продуктом отдельной ячейки ИГ*, не имеющей связи с руководством организации. Журнал «Исток», доступный нам в количестве первых четырёх номеров, является частичным переводом оригинального издания исламистов «Dabiq» со значительными включениями собственных текстов. Как становится ясно из первого номера, данное издание выпускалось силами «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар»* (Армия мухаджиров и ансаров), возглавляемой Абу Умаром аль-Шишани (Тархан Батирашвили).

Определяющая категория времени, лежащая в основе нарратива, ставит перед данным исследованием задачу характеристики темпорального режима джихадистского нарратива. Обращения к прошлому на страницах джихадистской пропаганды могут принимать вид как прямого обозначения (упоминание конкретных исторических событий), так и присутствовать в неявном виде в качестве иллюстраций, сопровождающих статьи или иные пропагандистские материалы.

Постановка вопроса об историческом нарративе джихадистского дискурса неизбежно отсылает нас к проблематике формирования нарратива и исторической памяти в столь экзотичной среде. Коллективный рассказ общества о себе направлен на фиксирование значимых моментов прошлого и придания им определённой коннотации — через процесс означивания происходит формирование идентичности сообщества, формируется общая система символов. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.

Однако можно ли утверждать наличие единого нарратива, единой системы символов, характерной для джихадистского дискурса? Возможно ли формирование структур самоидентификации даже среди сторонников отдельных джихадистских организаций с чётко оформленной (а «Исламское государство*», в идеологическую основу которого положен строгий салафизм, безусловно, предлагает своим сторонникам простую и понятную картину мира) структурой и догматикой? Полагаем, что глобальный характер крупных джихадистских организаций, не привязанных к территории и нацеленных на безграничную экспансию, принуждает к формированию особой, упрощённой, картины представлений о прошлом — пропагандистские материалы, рассчитанные на аудиторию вне региона зарождения организаций (в данном случае — Ближний Восток), сталкиваются с необходимостью максимально

доступной репрезентации исторических событий, объясняющих и легитимизирующих действия организации. Сталкиваясь с культурным многообразием своих сторонников, в своих средствах пропаганды и массовой информации такие глобальные организации вынуждены формировать максимально простую картину мира с возможным минимумом исторических событий. Выстраивание единых временных представлений, в равной степени общих для сторонников джихадистской идеологии, подразумевает неизбежное обеднение исторического нарратива в совокупности с его фокусировкой на истории исламских обществ (в значительной мере неизвестной широкой аудитории, подвергающейся джихадистской пропаганде).

Прежде всего обозначим дискретный характер рассматриваемого нами нарратива джихадистской организации: в силу географической разрозненности сторонников идеологии, их различного социокультурного базиса, пропагандисты исламистов предлагают не единое связное историческое повествование, а скорее набор связанных мифов, каждый из которых в отдельности может быть воспринят аудиторией и не является жёстко привязанным к конкретной территории. Вместо связного исторического повествования джихадистская пропаганда предлагает своим сторонникам коллаж, который важен не только ценностью содержащихся в нем сюжетов, но и эмоционально-семиотическим эффектом.

Усилия «Исламского государства» по единению своих сторонников являются не формированием нации, но выстраиванием нового сообщества вокруг религиозной и историко-культурной идентичности. Тем не менее, используемые средства обнаруживают сходства с инструментарием различных теорий наций, объясняющих национальную идентичность. Так, «Исламское государство»* отвечает ряду требований, предъявляемых Б. Андерсоном к «воображаемому сообществу», члены которого, не обладая возможностью непосредственного контакта, тем не менее конструируют ментальный образ своего единства [Андерсон, 2016]. Данный взгляд на ИГ* осуществим

благодаря следующим характеристикам организации:

1. «Исламское государство»* в период наивысшего расцвета характеризовалось чрезвычайно широким распространением: «вилайаты» Халифата находились в пространстве от Индонезии до Северной Африки, объединяя в рамках единой джихадистской организации носителей различных культур и языков. Сторонник ИГ* из вилайята Кавказ, идентифицирующий себя с «Исламским государством»* (и оформивший эту самоидентификацию посредством принесения байата «халифу»), имеет крайне малые шансы на взаимодействие со своим единомышленником из вилайята Хинд, но тем не менее воображает последнего как «своего», противостоящего глобальным силам «тагута»;

2. Многочисленные разнородные сторонники Халифата находились в общем информационном пространстве, формируемом посредством медиапродукции «Исламского государства»*, а также периодическими электронными изданиями. Отвергая национализм и совершая нападки на «националистические» исламистские организации (такие, как Талибан), данные издания формировали образ единого сообщества мусульман, объединённых религией, целями и информационной повесткой;

3. Пропаганда джихадистов активно формировала образ суверенного, независимого государства со всеми должными атрибутами: системой здравоохранения и общественной безопасности, социального обеспечения и школьного образования;

4. Ограниченность нации понимается Андерсоном как замкнутость общности в пределах государственных границ. Сложно сказать, где именно проходят воображаемые границы «Исламского государства»*. Скорее представляется возможным говорить не о постоянных физических границах, отвергаемых исламистами, а о находящихся в движении границах между «дар аль-ислам» и «дар аль-харб», а также о разграничении между исламом и состоянием джахилийи. Подобно пределам суверенных государств, граница между исламом и джахилией (а также между «землей ислама» и «землей войны») принципиаль-

но нерушима: она может сдвигаться в ту или иную сторону в географическом понимании, но всегда останется «та» и «эта» сторона.

Такое понимание джихадистской общности как воображаемого и конструируемого пропагандистскими изданиями сообщества заставляет нас обратиться к инструментам этого конструирования. Важнейшим средством создания образа единого крупного сообщества является апеллирование к историческим событиям и разделяемой всеми членами этого сообщества интерпретации данных событий. В частности, конструируемые джихадистской пропагандой исторические образы обнаруживают сходство с выделенным Э. Смитом компонентами этнического мифа (при этом ещё раз отметим, что суть «Исламского государства»* — построение глобального сообщества, основанного не на национальном принципе, но религиозной и историко-культурной общности; сходство с выделенными Э. Смитом компонентами этнического мифа объясняется лишь одинаковой целью, стоящим перед «Исламским государством»* и формирующимся этническим сообществом — создание единой гомогенной структуры).

Важнейшими структурными составляющими комплекса этнического мифа являются:

1. Миф о временных истоках, размещающий во времени какое-либо сообщество и определяющий его положение относительно других обществ;

2. Миф о местоположении и миграции. Подобно пространственному мифу, миф о местоположении задает географические координаты сообщества, которые служат для легитимации господства над конкретной территорией;

3. Миф о предках, прививающий чувство общей родословной и коллективной идентичности;

4. Миф о героической (и оставшейся в прошлом) эпохе излагает события «золотого века» и поведении праведных предков, которые представляют моральный образец для нынешних деградировавших потомков;

5. Миф об упадке сообщества, объясняющий причины падения и современного удручающего состояния сообщества;

6. Миф о восстановлении. Данный миф, в отличие от предыдущих, выполняет не познавательную, а предписывающую функцию, объясняя путь восстановления утраченного могущества [Smith, 1999].

Пять из шести компонентов, обозначенных Смитом, находят яркое выражение в материалах джихадистской пропаганды. Так, частая самоидентификация себя как салафитов («праведные предки», первые поколения мусульман) выполняет те же функции, что и миф об общей родословной. Дальнейшее исследование путём раскрытия каждого мифосимволического сюжета призвано раскрыть темпоральную схему джихадистской пропаганды, выявить её доминантные точки, оформляющие временные представления.

Миф о временных истоках и праведных предках

Э. Смит разводит две эти мифологические структуры, обозначая их различную функцию. В то время как миф о временных истоках призван обозначить место сообщества во временном континууме, миф о предках призван привить чувство общности и коллективной идентичности. Выше мы обозначали неполное наличие второй мифологемы в пропагандистско-мифологической системе джихадистов, однако необходимо сделать важное уточнение. Вместо прямой родственной связи, религиозное сознание предлагает общине чувство преемственности с предшествующими поколениями верующих. Образцом нравственной чистоты для исламской Уммы являются первые поколения мусульман (салафы), заставшие Пророка и начало распространения новой религии. Доскональное, буквальное подражание быту и обычаям мусульман VII в. составляет содержание особого «пуританского» течения ислама — салафизма, отвергающего в качестве бид'а (нововведений) небуквальную трактовку Корана и религиозно-бытовые новшества. В джихадистском представлении община духовных на-

следников героических предков-саяфов одновременно не претерпевает изменения на всём протяжении исторического времени, непоколебимо поддерживая нравственную чистоту своих предшественников в условиях нарастающего давления со стороны секулярного мира, и в то же время находится в состоянии деградации и упадка (узловая точка, фиксирующая момент перехода от идеализированной исламской уммы времён первых халифов к вырождению современного исламского социума, будет проанализирована нами далее). Образы прошлого, являясь структурными элементами коллективной идентичности, могут как служить легитимации существующего порядка, так и противопоставлять ему идеалы утраченных времён процветания, ушедшего «золотого века». В первом случае формируется позитивная социальная ориентация, основанная на подражании славным деяниям прошлого, во втором — негативная матрица восприятия настоящей действительности. Применительно к анализу исламистского дискурса, критическое отношение к реальности призвано мобилизовать реваншистские настроения «возрождения Уммы», восстановления утраченного величия исламской общины.

Справедливым будет утверждение о репрезентации двух исламских сообществ в джихадистской пропаганде. Первое, активно действующее, представляет собой общину сподвижников Мухаммада и её духовное продолжение — современных джихадистов; второе, представляемое как пассивное исламское большинство, является объектом приложения усилий со стороны первой группы, поскольку, сохраняя свою принадлежность к умме, оно находится под пагубным воздействием современного мира и нуждается в помощи со стороны активного меньшинства.

Мифологическая структура временных истоков социума призвана обозначить временные координаты сообщества, расположить его на темпоральной схеме по отношению к иным событиям или социумам. Пропаганда «Халифата»* при решении этой важной задачи столкнулась со значительной сложностью в виде принад-

лежности своих сторонников к различным культурам, отсутствию каких-либо общих временных представлений. С другой стороны, позиционирование себя как салафитского социума, прямого продолжения традиций и государственных институтов Праведного Халифата* сводит задачу построения мифа о праведных предках к трансляции на широкую аудиторию упрощённых представлений об исламской истории.

Безусловной доминантной фигурой в нарративе об истоках сообщества является пророк Мухаммад и его сподвижники. Следует обозначить особую важность данного периода для джихадистской пропаганды: именно ко временам Пророка возводятся подавляющее большинство легитимизирующих «Халифат»* аргументов, в обилии содержащихся в пропагандистских материалах. Обращением ко временам Мухаммада обосновываются не только образующие принципы «Халифата»*, но и его социальные практики: так, второй номер журнала «Исток» содержит обширную статью с обоснованием допустимости наложничества, обращаясь к примерам из жизни Пророка. В представлении авторов пропаганды провозглашение «Халифата»* является прямым продолжением государственной традиции Арабского халифата при игнорировании временного разрыва по отношению к Средневековью (единство Арабского халифата было фактически утрачено уже в IX в.; впоследствии титул халифа перешёл к османским султанам).

Представление о связи поколений наиболее ярко выражено во втором номере журнала «Исток». Приведём некоторые цитаты из своеобразного манифеста «Исламского государства»* — статьи под названием «Кто мы, откуда и куда идем»: «Мы — это знающие и помнящие о том, что мы являемся потомками мусульман, когда-то припеваючи живших в тени самой интернациональной и могущественной империи мира, называемой Халифат. Наши предки наслаждались справедливостью Законов Аллаха и безопасностью, предоставляемой халифом», «Мы — это внуки и правнуки тех самых мусульман, когда-то

живших в Халифате [...]»¹. Примечательно стремление авторов русскоязычного журнала к выстраиванию религиозной идентичности, игнорирующей реальные историко-территориальные условия. Неразрывная тенденция настаивать на правопреемственности халифату VIII в. проявляется и в постоянном уподоблении сторонников джихадистской организации сахабам — сподвижникам Мухаммада из числа первых мусульман.

Своеобразное отсутствие временной дистанции между периодом основания ислама и современностью, что является специфической чертой джихадистского понимания времени. Политические процессы современности не только уподобляются событиям прошлого, но и обозначаются как логичное продолжение процессов более чем тысячелетней давности. Правда, важным исключением всё же являются фигуры самого Пророка и его ближайших сподвижников — согласно хадису аль-Бухари, три первых поколения мусульман являются лучшими людьми в исламской общине. Подражание фигурам праведных предков одобрено и предписано, в то время как достижение той же степени праведности априори невозможно.

Кратко охарактеризовав мифологему «праведных предков», предпримем попытку поиска «точки начала», которая бы обозначила качественно новый этап в исламской истории в представлении джихадистской пропаганды. Журнал «Дабик» предлагает следующий иерархический порядок двух значимых событий: террористические акты 11 сентября и 1427 г. (2006), озаглавленный провозглашением ИГ* в Ираке². Последнее событие обозначено как самое памятное после атак 11 сентября. Возглавляемое Абу Мусабой аз-Заркави иракское отделение Аль-Каиды* обозначено в тексте журнала как «фундамент будущего халифата», руководство которого «не верило в пораженческие компро-

миссы и полагалось только на Аллаха, даже если это влекло за собой борьбу против всего лагеря куфра (неверия)». Таким образом, опыт иракского отделения Аль-Каиды* представлен как успешная борьба против американского присутствия и внутрииракских раздоров, достойный подражания несмотря на уже существующее ожесточенное противостояние между проектом Аль-Каиды* и «Исламского государства»* к моменту появления выпуска журнала.

Является ли провозглашение «Халифата»* Абу Бакром аль-Багдади узловой точкой джихадистского дискурса, разделяющего историю на две части? Безусловно, джихадистские издания придают этому событию большую значимость, однако оно не обладает таким же весом, как события ранней истории ислама. Успехи ИГ* в ходе 2014-2017 гг. скорее представлены как продолжение (и возрождение) истории победоносной исламской Уммы VII-IX вв. Таким образом, нам необходимо проанализировать следующую мифологему — миф о «золотом веке» и последовавшим за ним упадком исламского социума.

Миф о золотом веке / миф об упадке

В силу чуждости детальной исламской истории средневековой Аравии значительной части аудитории джихадистской пропаганды, мифологема золотого века занимает далеко не самое значимое место в джихадистском дискурсе. В обнаруженных нами материалах представления о временах процветания ислама существуют в самом простом виде, доступном массовой аудитории. Арабский халифат именуется «самой интернациональной и могущественной империей мира»³, которая гарантирует всем своим подданным мир и безопасность. Героический век связан в основном с военными победами мусульман. Битвы древности как бы предваряют, служат образцом для грядущих сражений

¹ Исток 2, Шавваль 1436 (Июль 2015). – 42 с.

² Дабик 12, Сафар 1437 (Ноябрь 2015). – 66 с.

³ Исток 2, Шавваль 1436 (Июль 2015). – 42 с.

с «крестоносцами». В числе наиболее значимых сражений (не заостряя внимание на битвах Пророка и сражениях за целостность созданного им Халифата) нами отмечено упоминание битвы при Ярмук (636 г., разгром византийской армии), завоевание Иберийского полуострова, битва за Фаллуджу (2004 г., Иракская война).

При этом миф о золотом веке исламской цивилизации находится в тесной связи с представлениями о причинах ее упадка. Последние нашли свое отражение в конспирологическом мифе, присущем джихадистской картине мира.

Мифологема глобального заговора

Мифологема всеобъемлющего заговора, направленного на ослабление мусульман, фиксирует темпоральную картину «Халифата»* и является её значимым элементом. Сюжет данного мифа достаточно прост. Согласно ему, в мире существует многовековой заговор ведущих держав, а также соперничающих религий, направленный против всей мусульманской уммы.

А.М. Прилуцкий выделяет следующие ключевые идеологемы конспирологического мифа:

1. Идеологема «тайного заговора могущественных сил»;
2. Идеологема «власти кукловодов»;
3. Идеологема «грандиозного обмана» [Прилуцкий 2016].

Для пропаганды исламистов более характерна идеологема «тайного заговора», который, однако, не сумел в полной мере подчинить мусульман. Так, исламская умма представлена в качестве ослабленной и находящейся в униженном состоянии, но всё же не подчинённой «тайным кукловодам». Для описания текущего положения масс мусульман популярна метафора сна. Наиболее показательно применение данной метафоры в своеобразном «гимне» джихадистов — нашиде «Звон мечей»: «Уммы львы проснулись, и мечи взмахнули, делаю

общину с каждым днем сильней»⁴. Пробуждение мусульман от многовекового сна происходит в мире, тайно подконтрольном ведущим западным державам, но сами мусульмане изначально занимают позицию, независимо противостоящую глобальному заговору. В представлении джихадистской пропаганды атимусульманский заговор осуществляется на протяжении всего времени существования ислама.

Силы заговорщиков представляются вездесущими. Так, Марку Сайксу, одному из создателей договора Сайкс-Пико, приписывается создание национальных флагов арабских государств — исключительно в целях разделения единого арабского мира. Соглашение 1916 г. видится авторам джихадистской пропаганды в качестве точки отсчёта, мифа поражения, который обозначил новую эру исламской истории. Фигурам заговорщиков, действующих исключительно из антиисламских побуждений, часто придаются соратники из числа мусульман — либо обманутых вражескими посулами, либо мотивированные личными интересами. Сюжетом, раскрывающим взаимодействие врагов ислама и самих мусульман, является история Великого арабского восстания 1916 г. Так, король Трансиордании (после оккупации в 1948 г. Западного берега р. Иордан — королевства Иордании) Абдалла ибн Хусейн представлен как послушная марионетка в руках заокеанских хозяев, ведущий борьбу ради создания «националистического «халифата», которым он будет править под руководством своих «новых хозяев-крестоносцев». Из данного сюжета выводится нелегитимность светского режима современной Иордании: «Аль-Хусейн и его сыновья тщательно выполняли приказы, предписанные им британскими крестоносцами, чтобы гарантировать их поддержку. В конце концов англичане назначили их королями над Сирией, Иорданией, Ираком и Хиджазом. Нынешний тагут Иордании является потомком этой же семьи»⁵.

⁴ Нашид «Скоро, очень скоро», фактически ставший русскоязычным гимном «Исламского государства»*

⁵ Дабик 12, Сафар 1437 (Ноябрь 2015). – 66 с.

Вмешательство недоброжелателей исходит не только из западных стран, сами мусульмане подчас становятся орудием заговора. Так, джихадистская пропаганда уделяет достаточно много внимания «заблудшим учёным» — исламским авторитетам, чьи высказывания не соответствуют исламистским догмам. Такие «заблудшие учёные» также позиционируются как «слуги тагута», по своей доброй воле или заблуждению реализующие интересы многовекового врага исламской уммы⁶.

Выделить в представлении джихадистов какую-либо конкретную точку невозврата, после прохождения которой начался упадок исламской уммы, довольно сложно. Очевидно противопоставление первых праведных халифов всему последующему периоду исламской истории. При этом «официальные» издания ИГ* практически игнорируют турецкий фактор исламской истории. Несмотря на то, что современная Турция однозначно представлена в образе врага, громадный пласт истории Ближнего Востока, связанный с проникновением турок в регион и борьбой арабских государств против османов, выпадает из темпоральной схемы, представленной в доступных нам источниках.

При рассмотрении мифологии героической эпохи и её окончания уместно обратиться к выделенным Я. Ассманом модальностям культурной памяти. Миф о миновавшем золотом веке Халифата можно обозначить как имеющий контрапрезентную модальность. Контрапрезентная мифомоторика сфокусирована на недостатках настоящего по контрасту с героическим прошлым [Ассман, 2004]. Если обосновывающая модальность культурной памяти показывает события настоящего в свете истории, демонстрируя тесную преемственность с прошлым и детерминированность современности, то контрапрезентная модальность создает временной разрыв с ушедшей в прошлое героической

эпохой, демонстрируя утраченные достоинства прошлого и недостатки настоящего. Отметим, что две модальности вполне могут сочетаться в едином нарративе: если сюжет о преемственности «Исламского государства»* арабскому государству первых четырёх халифов (т.н. «Праведному халифату») обладает однозначно обосновывающей модальностью, то заострение внимания аудитории на победах славного прошлого и «порабощенном» состоянии Уммы настоящего следует обозначить как имеющий контрапрезентную модальность.

Во многом аналогичным примером исследования мифа об ушедшей в прошлое в результате заговоров героической эпохе исламского мира является миф о закате польской государственности, исследованный А.Г. Васильевым [Политика памяти в..., 2012: 215-248]. В обоих случаях перед нами предстаёт миф об утраченной золотой эпохе, прекращение которой нуждается в объяснении. Польская национальная историческая мысль XIX в., развивавшаяся в условиях отсутствия государственности, во многом оперирует теми же категориями самого развитого государства своего времени, которое пало в результате заговора могущественных соседей. Нельзя не отметить и схожие условия развития представлений о прошлом: историческая травма утраты государственности (разделы Польши и фактическое подчинение исламского мира западным державам), наличие в прошлом мощного государства (претендующей на построение империи Речи Посполитой и огромного Арабского халифата).

В крайних случаях контрапрезентный миф обретает черты революционного и мессианского: прошлое перестаёт быть достойным сожаления утраченным наследием, но становится достижимым идеалом общественного устройства. Данное стремление соответствует выделенной Э. Смитом мифологии восстановления общества после периода упадка.

⁶ Исток 4, Раджаб 1437 (Апрель 2016). – 44 с.

Миф о восстановлении

Радикальные исламисты, в попытке реанимации мусульманской империи Средневековья, на первый взгляд стремятся к созданию закольцованной темпоральной схемы, где универсальная исламская империя станет вневременной формой социо-политического устройства. Однако религиозный компонент, лежащий в основе идеологических представлений джихадистов, заставляет нас скорректировать данное представление.

Священные Писания иудаизма, христианства и ислама чётко обозначают линейную структуру времени, фиксируя начало темпоральности (сотворение мира) и её неминуемое окончание (конец света). В основу представлений джихадистов о конечной точке временной линии положены эсхатологические представления Корана (Аль-Араф, 187, Ан-Назиат, 35), которые дополнены пророчеством об апокалиптической битве при Дабике. Город Дабик, послуживший названием для первого периодического издания исламистов, располагается на севере Сирии. Эсхатологические представления исламистов заключаются во втором пришествии пророка Исы (Иисуса), который вблизи Дабика поведёт праведных мусульман в бой против Даджаля (Антихриста), а также «его последователей, проклятых евреев, которые предали и даже убивали пророков Аллаха»⁷.

Битва при Дабике служит «спусковым крючком» грядущего Армагеддона, нажать на который призваны сами исламисты. Сакральное значение Дабика открывает перед нами ещё одну грань исламистской агитации и выявляет цели, которые ставят перед собой сами джихадисты. Высшей точкой жизни типичного муджахида, фигурирующих на страницах изданий, является смерть в бою. Высшей точкой развития Халифата — апокалиптическая битва при Дабике, которая обозначит конец света. Стратегической целью исламистов яв-

ляются вовсе не военные и гражданские объекты противников и даже не установление всемирного Халифата — конечной, не декларируемой открыто целью усилий джихадистов является приближение апокалипсиса, а не построение истинного исламского общества.

Движение ИГ* по оси времени происходит не из прошлого в будущее, а по странной, с трудом поддающейся обозначению, траектории. Джихадистская пропаганда практически не делает разницы между Халифатом VII в. и выстраиваемым джихадистским «государством» современности: на значительном временном отрезке между распадом единого Арабского халифата и провозглашением террористического «Халифата»* расположены лишь несколько событий, практически никак не связанных с доминирующим «западным» пониманием исторического процесса. Грань между прошлым и настоящим оказывается стёрта, как и несколько веков развития мусульманского мира Средневековья и Нового времени. Реализация пророчества о битве при Дабике — *события будущего*, происходит в неразрывной связи с настоящим — появление представителей западной коалиции вблизи Дабика сопровождалось восторгами джихадистской пропаганды и предвкушением исполнения пророчества, ожиданием последней битвы. Находящееся в пространстве сакрального времени событие будущего (апокалиптическая битва при Дабике) представлена в джихадистском дискурсе возможным для осуществления событием.

При взгляде на составляющие темпоральной схемы возникает странная картина взаимодействия архаично-модерного «Халифата»* и столь же архаичного предсказания, описывающего события незафиксированного во времени будущего. Достижение момента окончания временной линии становится прямым последствием проводимых джихадистами военных операций.

⁷ Дабик 5, Мухаррам 1436 (Октябрь 2014). — 40 с.

В классификации, предложенной Э. Смитом, данное пророчество может идентифицироваться в качестве своеобразного «мифа восстановления». Отметим парадоксальность данной мифологии применительно к «официальному» измерению джихадистской пропаганды: конечной точкой усилий всех джихадистов является вовсе не построение благополучного исламского общества в соответствии с кораническими установками, но эсхатологическое сражение. Однако необходимо сделать важное уточнение: данная мифология, хоть и присутствует в периодических изданиях джихадистов, представляется нам довольно сложной для восприятия и разделения со стороны основной массы сторонников данной организации. Так, обнаруженные нами русскоязычные материалы «стихийной» (исходящей не от медиааппарата «Исламского государства»*, а от многочисленных сторонников джихадистов) пропаганды не содержат данного эсхатологического сюжета. Значительная же часть материалов с футурологическим компонентом, исходящая от «официальных» структур джихадистов, концентрирует внимание на продолжении перманентной войны против мира неверия, обозначая Халифат вневременным исламским государством.

В связи с утратой возможности ИГ* не только вести боевые действия вблизи Дабика, но и способности к осуществлению полноценных военных операций, в насто-

ящее время не представляется возможным провести более точный анализ эсхатологического мифа о Дабике и его места в темпоральной картине джихадистов.

Таким образом, темпоральные представления современного джихадизма представляют собой многоплановое дискретное повествование, составные части которого находятся в сложном соотноении друг с другом. При этом сами сюжеты, положенные в основу исторического нарратива, сводятся к набору простых декларируемых истин о «пробуждении уммы» и возрождении Халифата. Простота освоения данных сюжетов, доступность их для понимания в значительной степени унифицирует идеологические и исторические представления сторонников джихадизма, задаёт чёткую интерпретационную модель происходящих событий: так, современный конфликт с участием исследуемой организации мыслится как продолжение победоносных завоеваний времён раннего ислама. Редуцирование многообразия исторического процесса к набору идеологически заряженных сюжетов придаёт джихадистскому нарративу необходимую жёсткость и устойчивость, что является крайне важным в условиях мозаичного социокультурного базиса сторонников джихадистов.

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Список литературы:

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. — Москва: Кучково поле, 2016. — 416 с.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. — Москва: Яз. слав. культуры, 2004. — 363 с.
- Горюшина Е.М. Непримиримые нарративы "о другом": изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // Ideology and Politics Journal. — 2020. — № 2. — С. 279-302. <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00022>
- Горюшина Е.М. Эхо непреодолимых последствий событий в Чечне 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг.: конфликт и нивелирование памяти // Новое прошлое. — 2018. — № 2. — С. 146-166. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-2-146-166>
- Добаев И.П. Северный Кавказ: процесс «растекания джихада» // Россия и мусульманский мир. — 2009. — №9. С. — 50-61.

- Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера // Международные процессы. — 2017. — Т. 15, № 4. — С. 6-19. <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.1>
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. — Москва: Круг, 2006. — 763 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. — Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2012. — 336 с.
- Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем. — 2007. — № 21. — С. 52-85.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. — 632 с.
- Прилуцкий А.М. Семиотическое пространство конспирологического нарратива и мифа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 264-270.
- Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности мифа // Диалог со временем. — 2007. — № 21. — С. 5-21.
- Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. — 2007. — № 21. — С. 106-118
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. — Москва: Наука, 2001. — 552 с.
- Урушадзе А.Т. А. П. Ермолов в мемориальном пространстве Юга России: конфликты исторических интерпретаций // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021. — С. 164-176.
- Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 250-278.
- Sachs J. Winning the Story Wars: Why Those Who Tell (and Live) the Best Stories Will Rule the Future. — Boston: Harvard Business Press, 2012. — 276 p.
- Smith A.D. Myths and Memories of the Nation. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — 288 p.

References:

- Anderson, B. (1983) *Imagined communities : reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso. (Russ. ed.: (2001) *Vobrazhaemye soobschestva : razmysleniya ob istokach i rasprostraneniі nacionalizma*. Moscow: KANON-Press-C Publ.).
- Assmann, J. (1992) *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: Beck. (Russ. ed.: (2004) *Kul'turnaja pamjat': Pys'mo y pamjat' o proshlom y politycheskaja ydentychnost' v vyysokyh kul'turah drevnosty*. Moscow: Jazyky slavyanskoy kul'tury)
- Dobaev, I. P. (2009) 'Severnnyy Kavkaz: protsess «rastekaniya dzhikhada» [North Caucasus: the process of "spreading jihad"]', *Rossia i musul'manskij mir*, (9), pp. 50–61. (In Russian).
- Goryushina, E. M. (2018) 'Echo of the Insurmountable Consequences of the Events in Chechnya in 1994-1996 and 1999-2000: Conflict and Leveling of Memory', *The New past*, (2), pp. 146–166. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-2-146-166>
- Goryushina, E. M. (2020) 'Irreconcilable Narratives about "the Other": Memory Research of the Armed Conflict in Chechnya', *The Ideology and politics journal*, (2), pp. 279–302. (In Russian). <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00022>
- Kuznetsov, V. A. (2007) 'To write the world: structuring the past in the early Arab historiography', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 52–85. (In Russian).
- Miller, A. I. and Efremenko, D. V (eds) (2020) *The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russian).
- Prilutskii, A. M. (2016) 'Semiotic Features of Conspiracy Narrative and Conspiracy Myth', *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 17(3), pp. 264–270. (In Russian).

- Repina, L. P. (2007) 'Memory and knowledge of the past Within the structure of identity', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 5–21. (In Russian).
- Repina, L. P. (ed.) (2012) *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati [Crises of turning points in historical memory]*. Moscow: Institute of World History Russian Academy of Science. (In Russian).
- Repina, L. P. (ed.) (2006) *History and Memory: Historical Culture of Europe before the Modern Age*. Moscow: Krugh Publ. (In Russian).
- Rumyantseva, M. F. (2007) "'Places of memory" in the structure of national historical myth', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 106–118. (In Russian).
- Sachs, J. (2012) *Winning the Story Wars: Why Those Who Tell (and Live) the Best Stories Will Rule the Future*. Boston: Harvard Business Press.
- Smith, A. D. (1999) *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press.
- Tishkov, V. A. (2001) *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte: Etnografiya chechenskoy voyny [Society in Armed Conflict: Ethnography of the Chechen War]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Urushadze, A. T. (2020) 'Pamyat' poluraspada: Kavkazskaya voyna v etnicheskikh kommémoratsiyakh i bol'shom narrative [Half-Life Memory: The Caucasian War in Ethnic Commemorations and Grand Narrative]', in *The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe*. Saint Petersburg: EUSP Press, pp. 250–278. (In Russian).
- Urushadze, A. T. (2021) 'A. P. Yermolov v memorial'nom prostranstve Yuga Rossii: konflikty istoricheskikh interpretatsiy [A.P. Ermolov in the memorial space of the South of Russia: conflicts of historical interpretations]', in *Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope [Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe]*. Saint Petersburg: EUSP Press, pp. 164–176. (In Russian).
- Zvyagelskaya, I. and Kuznetsov, V. (2017) 'Statehood in the Middle East', *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, 15(4), pp. 6–19. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.1>

Информация об авторе

Андрей Русланович Сулейменов — преподаватель кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д.23. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Andrey R. Suleimenov — Lecturer at the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin avenue, Nizhni Novgorod, 603600 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 14.06.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 15.09.2022.